

УДК 930.1 + 115

А. В. Ткаченко
аспірант кафедри філософії естественних факультетов
філософського факультета
Одеського національного університета імені І. І. Мечникова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕИ «ЛИНЕЙНОСТИ» ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЛЯ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ «РАЗРЫВОВ» ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Постановка проблемы. Современная историческая мысль (данный термин подходит нам наилучшим образом, поскольку мы подразумеваем здесь не только историческую науку, но и методологию истории, философию истории как некий комплекс взглядов на исторический процесс) переживает затяжной кризис, который начался еще в первой половине XX в. в связи с пересмотром идей прогресса и «линейности» исторического процесса. С тех пор был разработан огромный массив концепций исторического процесса, понимания исторического сознания, исторического времени.

Под «разрывами» исторического времени мы подразумеваем описания ощущения нарушения континуальности исторического процесса. Подобные ощущения возникали в различные эпохи: это и милленаристские переживания Средних веков, и осознанный «разрыв» истории во времена Реформации, Французской революции XVIII в. и др. Ощущение «разрыва» часто является результатом социального или политического кризиса, который и порождает новые образы прошлого. Примеров описания таких «разрывов» существует огромное количество, начиная с раннего христианства. При этом методологически исследование такого феномена стало возможным только в XX в., что связано с затянувшимся кризисом «линейности» и переосмыслением исторического сознания как такового. В статье предлагается проследить те изменения в концепции «линейности», которые заложили основу последующего переосмысления, давшего нам возможность говорить о «разрывах».

Определение цели и задач исследования. Статья представляет собой часть проекта исследования «разрывов» исторического времени, задачей которого является концептуализация самого понятия «разрыв». В работе предлагается осмысление роли критики идеи линейности и Прогресса в теории истории XX в. для постановки проблемы «разрывов». Поэтому **целью статьи** является выяснение направленности изменений восприятия истории, спровоцированных критикой идеи линейности исторического времени. Данное исследование включает три блока: 1) христианское понимание истории; 2) идея прогресса в творческом и философском наследии Просвещения; 3) критика и переосмысление «линейности» в XIX в. во всем их многообразии и разнородности. В качестве **задач исследования** (которые соответствуют данным блокам) нами определено следующее: 1) проследить становление и развитие христианской телеологической модели «линейной» истории; 2) сопоставить с ней просвещенческую идею о всеобщем прогрессе, выделив отличия; 3) показать основные критические и переосмысляющие идею прогресса концепции в XIX в. **Объектом работы** выступают исторические концепции, содержащие идею «линейной» истории, либо критикующие такое видение. **Предметом исследования** становится специфика теоретического влияния кризиса идеи линейности на формирование проблемы «разрыва» исторического времени.

При исследовании данной проблемы стоит прояснить **методологию**. Для исследования раннехристианских и просвещенческих текстов мы пользуемся герменевтическим методом, поскольку в ряде случаев тексты требуют пояснения и интерпретации. В некоторых случаях это

касается и авторов XIX в. Для прослеживания эволюции идеи «линейности» и ее критики мы пользуемся компаративистским методом.

Анализ публикаций на тему. Тема идеи «линейности» и прогресса в литературе представлена достаточно широко с самых разных позиций. В связи с этим, мы имели возможность тщательно подбирать литературу как таковую, что может быть спутником в исследовании исторического сознания и исторического времени в нужном нам ключе. При исследовании христианского понимания исторического процесса стоит отметить работы таких исследователей, как Михаил Барга, Жан Даниэлю, Кшиштоф Помян, Георгий Флоровский, Петр Бицилли и др. Когда же речь идет о прогрессе, то здесь важными являются труды Райнгарта Козеллека, Йорна Рюзена, Франсуа Артога, Бенедетто Кроче, Вальтера Беньямина, Карла Поппера, Эрнста Трёльча. Среди российских и украинских исследователей нужно отметить Владимира Ермоленко, Михаила Ямпольского, Андрея Сухова, Бориса Могильницкого, Александра Паньковского, Ирину Савельеву, Андрея Полетаева и многих других.

Изложение основного материала исследования. Идея «линейности» исторического процесса ассоциируется, в первую очередь, с христианской философией истории (особенно в том виде, в каком ее предложил Аврелий Августин), которая использовала и расширила иудейскую схему истории: от Сотворения мира к Страшному Суду [6], выработав представление о времени, которое имеет начало и конец [1, с. 645–646]. Августин, будучи одним из самых значимых богословов в раннем христианстве [4, с. 78], собрал иудейские и христианские представления об истории воедино и привел их в соответствие со Священным Писанием. Более ранние представления о «линейности» исторического времени мы находим у Ирины Лионского, который говорит о движении человечества от Ветхого Завета к Новому [6]; у Григория Нисского, для которого человек «близится к совершенству» [6]; у Оригена «линейность» частично состоит во множественности миров и циклов, которые, однако, имеют свою цель и свой конец [6]. У Августина история понимается как борьба двух царств: града Божьего и града земного. Они строятся на различной направленности любви: «... *град земной основан на любви к себе, град небесный – на любви к Богу...*» [1, с. 24]. Для поздней античности (которая не знала идеи всеобщей истории) это была смелая попытка свести воедино светскую и церковную историю.

Христианская теология истории, по сравнению с иудейской картиной исторического процесса, поменяла ценностные ориентиры для его участников. Если для иудея пришествие Мессии – это вершина истории и в то же время возвращение к временам царствования царей Давида и Соломона, то для христианина пришествие Иисуса Христа – «середина времен» [20, с. 26] или «начало конца» [21, с. 26]. Об этом говорит Георгий Флоровский в своей работе «Историк и христианство»: «... *линия эта сломлена или, вернее, «изогнута» в определенной «решающей» или «переходной» точке*» [24], что указывает на путь и «изогнутую», но все же «линейную» картину исторического процесса, целью которого является соединение «начала», «центра» и «конца» в личности Христа

[24]. В таком ключе актуализируется роль истории как таковой для человечества [23, с. 19].

Таким образом, именно христианство создает концепцию «линейного» времени в ее законченном виде, имеющую **начало, конец** и, главное, **цель** истории [6]. Более того, именно здесь впервые появляется идея телеологической направленности истории [24]. Схожее видение можно найти у Псевдо-Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Григория Паламы и др. [21, с. 31]. Более того, у Августина история человечества, как считает Михаил Барг, «не что иное, как прогрессирующая победа сил, ему враждебных, жизнь разрушающих, над силами, его поддерживающими» [4, с. 79]. Нам же кажется, что не совсем верно отождествлять августиновскую телеологическую направленность (или целеустремленность) и прогресс (особенно в том смысле, в котором его понимали в эпоху Просвещения), но именно эта направленность дала почву для развития идеи прогресса [22, с. 4]. Однако при всей направленности и актуализации истории как таковой участие отдельных личностей в историческом процессе сводилось к участию в религиозной жизни (к праведности, к соблюдению заповедей, таинств и т. д.). Именно этот аспект выражался в стараниях множества еретических течений средних веков «разорвать» существующий исторический, религиозный (а церковь как раз и постулировала тождество этих двух порядков), социальный порядок.

Такое понимание исторического процесса господствовало приблизительно до конца XV в. (конечно, были и исключения, но они не имели значительного влияния). Совокупность множества факторов, которые часто сопоставляют с переходом от эпохи Средних веков к Новому времени, породила определенный кризис церковной «линейности» [23, с. 648]. Более всего отношение к историческому процессу изменилось после Реформации. Именно здесь впервые заговорили о «разрыве» между эпохами, стараясь порвать со средневековьем как можно скорее. Реформация не просто изменила ряд жизненных и церковных ценностей. Она переориентировала саму историю, отказавшись от концепции «двух градусов» Августина [7, с. 12]. Именно с этого момента стало возможным говорить о светской истории как об определенном учении, о роли личности в историческом процессе, что очень хорошо прослеживается уже во время Реформации (Мюнстерская коммуна) и позднее (во время Нидерландской и Английской революций) [23, с. 648]. Кроме того, XV–XVI вв. ознаменовали развитие научного знания, что также существенно повлияло на восприятие исторического процесса.

Христианскую идею направленности в светском ключе и на фоне упомянутых трансформаций в восприятии истории переосмыслил Френсис Бэкон, поделив историческое развитие общества на три фазы: античность, зрелость и старость. Именно в период своей старости мир, по мнению Ф. Бэкона, и находится [4, с. 302]. В этот период происходит переосмысление всего человеческого опыта и создание серьезных научных систем. При этом современный ему век он соотносил с грядущей эрой прогресса, отступая от этой цикличности [4, с. 303].

В эпоху Просвещения (а точнее в XVIII в.) идея «линейности» подверглась существенному пересмотру и развитию. К ней добавилась идея о том, что исторический процесс не только имеет начало и конец, но и само человеческое общество на своем пути неизменно развивается и улучшается. Такое видение истории хорошо прослеживается в целом корпусе работ эпохи Просвещения, среди них «Новые размышления об истории» Вольтера, лекция Анна Робера Жака Тюрго «Последовательные успехи человеческого разума» и его же работа «Рассуждения о все-

общей истории», «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Жана Антуана Кондорсе и др.

Российско-американский историк и культуролог Михаил Ямпольский свел историософское видение эпохи Просвещения (особенно в сравнении с предыдущими эпохами) к картине англо-американского художника Бенджамина Уэста «Смерть генерала Вольфа» (1771), поскольку на ней Б. Уэст «одел своего героя в униформу своего времени и оправдал это решение верностью исторической правде» [25, с. 124]. Согласно определенным канонам изображения «героического», Б. Уэст должен был изобразить генерала в античных одеяниях, с лавровым венком. И это не просто художественный канон, а определенный модус исторического сознания. Об этом пишет Райнгард Козеллек в своей работе «Прошлое будущее», показывая, что для Альбрехта Альтдорфера, написавшего картину «Битва Александра» (изобразив на ней битву при Иссе, в которой Александр Македонский разгромил войско Дария III), «настоящее и прошлое оказались обрамленными единым историческим горизонтом» [9, с. 24], т. к. он изобразил войска греко-македонян и персов в современном ему обмундировании (имея ввиду, вместо греко-македонян, австрийскую армию императора Максимилиана I, а вместо персов – турков-османов) [9, с. 23]. Этой переориентацией от смешения эпох на стремление к осовремениванию и исторической достоверности В. Ермоленко, как бы подводя итоги Просвещения, показывает смену закона «старое – хорошо, новое – плохо» на «старое – это плохо, новое – это хорошо» [7, с. 11–12], поскольку он определяет отношение к истории как таковой. «Этот закон, – пишет В. Ермоленко, – означал становление новой эпохи. Эпохи, которую мы называем современной...» [7, с. 12] и которая подразумевает веру в прогресс человечества (или даже является ее результатом), ориентированность на будущее, которое зависит от действий индивида.

В какой-то мере Просвещение актуализирует потерянную в веках христианскую «напряженную» направленность в виде нового типа, основанного на «вере в прогресс» и перехватывает «изначальную устремленность в будущее» [12], однако само будущее и идея прогресса «дальше отдалялись от ожиданий конца света» [2]. При этом, по мнению Михаила Барга, «полностью отсутствовало понятие развития, ставшее фундаментальным для исторической мысли» [4, с. 329]. Такую ориентацию на будущее показал Р. Козеллек в другой своей работе «Временные пласты. Про семантику исторического времени» на материале первой «временной» утопии или же утопии будущего [10 с. 156]. Речь идет об утопии Луи Себастьяна Мерсье «Год 2440», в которой он не описывает свое «открытие» какого-либо утопического пространства, а конструирует будущее таким, каким он его видит [10, с. 153]. Более того, таким «прыжком в будущее» воспринимается и сама революция, которая «призвана приблизить райское конечное состояние». Здесь, в отличие от христианской концепции «веков», будущее более не ретроспективно и «вырастает из нынешнего времени, что отсылает к открытому будущему» [10, с. 352]. Просвещение по-своему ненавидит будущее, желая «скорейшего преодоления прошлого, чтобы дать дорогу новому будущему» [9, с. 68].

Под влиянием взглядов Вольтера, Тюрго, Кондорсе и других просветителей, случилась Великая французская революция, которая была воспринята неким прогрессивным скачком. Франсуа Артог символически определил 1789 г. как начало «нового режима историчности», в котором «решающей становится категория будущего: из будущего направлен свет, который делает понятным настоящее, но также и прошлое» [3]. Для XVIII и XIX вв. Великая французская революция была тем же событием,

что и для XX в. Вторая мировая война, вызвав огромный всплеск рефлексий, переосмыслений и новых концепций, в т. ч. и для философии истории. Особенно важными для современников явились трансформации, которые происходили после революции: Республика, Якобинская диктатура, Триумvirат, Империя, а затем Реставрация Бурбонов. Р. Козеллек для определения данного периода вводит понятие *sattelzeit* (переломное время), в котором он находит границу современного мира [9, с. 182], момент, в котором рождается новое переживание исторического времени. Фактически, Просвещение создало такой «тип исторического мышления, который ... влечет за собой обесценивание не только прошлого, но и настоящего» [12]. Очень хорошо это показал Вальтер Беньямин в IX тезисе «О понятии истории», говоря об Ангеле Истории¹, которого «ветер неудержимо несет в будущее, к которому он обращен спиной... То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал» [5, с. 44]. Йорн Рюзен видит здесь процесс возникновения идеи истории, а сам прогресс является «концептуализацией единства прошлого, настоящего и будущего» [18].

При этом традиционный принцип *historia est magistra vitae*², который господствовал с античности до XIX в., несмотря на то что он располагает будущее «не впереди, а «зади»» [12], сохраняется в среде интеллектуалов. К тому же он становится более размытым и менее значимым в интеллектуальных построениях, но оставался значимым в повседневной жизни (Р. Козеллек приводит в пример случай, описанный Фридрихом фон Раумером в 1811 г.) [9, с. 44]. Постепенно вырабатывается мнение о том, что в истории учителем выступает не конкретный исторический пример, а само историческое знание, ведущее к высшему «состоянию образцовности, которое опосредовано должно повлиять на будущее» [9, с. 73]. Свообразно восприняв данный принцип, уже в самом Просвещении высказывались и альтернативные идеи прогресса мысли. Так, к примеру, Жан-Жак Руссо использует идею «золотого века» и предлагает вернуться к «естественному состоянию», а театр, науку, архитектуру и другие атрибуты современного ему общества считает «ложью и отступлением» от естественного состояния [16, с. 65]. Ярким выразителем такого «контрпросвещения» явился Франсуа Рене де Шатобриан, который в своей книге «Путешествия в Америку» отправляет главного героя из «просвещенной Франции в дикую Америку», где «видит такой же оазис свободы, не извращенный философами-развратителями, каким когда-то была Скифия» [12]. Ж.-Ж. Руссо своими принципами популяризировал идею о «добром дикаре», которая стала крайне значимой для романтиков XIX в. [19, с. 303]. Однако здесь важно отметить, что Ж.-Ж. Руссо, отказываясь от идей Просвещения, мыслит в тех же категориях. В его отказе от прогресса нет ни классической античной цикличности, ни христианской направленности. По своей сути, концепция Ж.-Ж. Руссо представляет собой «прогресс наоборот» [16, с. 73], т. к. на вершину прогресса ставит не просвещенческие идеи развития наук, искусства, а достижения «естественного», архаического состояния [8, с. 40]. При этом роль в данном процессе принадлежит исключительно личности [19, с. 303].

Развивая идеи Канта и Фихте, свое видение прогресса в человеческой истории изложил Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Для него опосредованным двигателем является «хитрый» абсолютный дух [19, с. 305]. История развивается в соответствии с его целью, хотя в ней он не принимает активного участия. Суть истории в противоречиях между национальными духами, кото-

рые являются воплощениями абсолютного, а когда они разрешаются, наступит конец истории, Царство Свободы [19, с. 305]. Это говорит о том, что Гегелевская концепция скорее «провиденциалистская», чем прогрессистская [19, с. 306]. Пожалуй, самым ярким образом переосмыслил гегелевскую модель Карл Маркс в своей теории общественно-экономических формаций на основе четырехчастной модели Гегеля, заменяя, однако, идею прогресса на «рост производительных сил общества» [19, с. 307]. При этом К. Маркс вместе с телеологией откровенно порывает и с концептом конца истории, поскольку коммунистическая формация будет *ad infinitum* (вечной) [19], что, впрочем, не означает полный отказ от линейности, а скорее означает попытку **индетерминации** человеческой истории. Эту линию понимания истории от Канта до Маркса Карл Поппер назвал **историцизмом** (в некоторых случаях он возводит историцизм как определенное видение истории к воззрениям, которые были еще ранее телеологических), критикуя его и отрицая всякий детерминизм в истории [15]. В своем эссе «Нищета историцизма» он критикует идею прогресса на основании того, что историцисты с пафосом перефразируют проблемы, которые существовали еще в Древнем мире. Именно «историцизм, – пишет Поппер, – поставил проблему изменения, хотя на самом деле это одна из самых старых проблем спекулятивной метафизики» [15]. Бенедетто Кроче, комментируя Гегеля, выдвигает концепцию «абсолютного историцизма», отказываясь от идеи направленного и «линейного» движения от начала до конца истории [11, с. 34]. История движется по замкнутому кругу, в котором невозможно найти ни начало, ни конец [11, с. 36].

Важным результатом эпохи Просвещения стал рост естественнонаучного знания [4, с. 306]. Прогрессистская картина мира в XIX в. ярко проявлялась в двух разновидностях эволюционизма – «социологическом» и «биологическом» [19, с. 302]. Первая связана, в первую очередь, с таким направлением в философии, как позитивизм. Связь позитивизма с Просвещением прослеживается напрямую через Огюста Канта к Сен-Симону, а от него к д'Аламберу [8, с. 48]. В эволюционном контексте О. Кант вводит модель трех стадий развития теоретической мысли (которые соотнесены со стадиями развития общества): 1) теологическую (состояние вымысла); 2) метафизическую (состояние абстракции); 3) научную [8, с. 46]. Однако идея прогресса у позитивистов по сути эволюционистская, мыслимая в рамках «теории позитивной теории человеческой природы» [15]. «Биологический» же эволюционизм связан был с концепцией социал-дарвинизма, утверждавшей, что в человеческом обществе выживает «самый приспособляемый». Эти идеи были развиты в концепции эволюционизма Герберта Спенсера [19, с. 302]. Так или иначе, но эволюционный прогрессизм, в отличие от просвещенческого, отбрасывает у человека роль **творца** истории в пользу природы и естественной необходимости. Параллельно с позитивистским прогрессом идея «линейности» прорабатывается в рамках концепции **историзма**, которую развил Леопольд фон Ранке. Она предполагает отказ от поиска всяческих закономерностей и описание «истории как она есть» [20, с. 69]. Однако в итоге все же одну закономерность он в действительности вывел – последовательность и целостность, неделимость [17, с. 41], что и стало обоснованием собственно модели «линейного» исторического процесса, отказываясь при этом как от идеи «прогресса», так и от идеи телеологии [20, с. 76]. Таким образом, он закладывает принципы исторической науки, кото-

¹ «Angelus Novus» – картина Пауля Клее, которую В. Беньямин приобрел в 1921 г.

² Знаменитое изречение Цицерона, что в переводе означает: «История – учитель жизни».

рые существуют до сегодняшнего дня. К концу XIX – в начале XX вв. в Германской империи сформировалась значительная школа историзма. Фридрих Мейнеке говорил об «органическом» развитии в истории, каждый из элементов которой принципиально необходим и важен [20, с. 73], внедряя таким образом в историзм идею развития. Данная категория не была известна Просвещению, и именно она стала основой для различных модернистских «концепций структурных изменений» [18]. В итоге и историцизм, и историзм одинаково были подвержены «провиденциализму». По мнению Вальтера Беньямина, для XIX в. характерен образ истории как «потока, непрерывности, развития», что было центральным для романтиков, для Гегеля, а особенно для эволюционистов [7, с. 61]. Сам В. Беньямин, отвергает как прогресс, который обычно наполняют «пустое и гомогенное время»³ [5, с. 46], так и историзм, сделавший из истории музей древностей⁴ [5, с. 49].

Уже после провала Великой французской революции просвещенческие идеи повсеместно подвергались критике. Наибольший удар «линейности» нанесли представители течения, которое Фридрих Шлегель назвал «Буря и натиск». На это направление в значительной мере повлиял Ж.-Ж. Руссо с идеей о «естественном человеке» [14, с. 135]. Так, для романтизма образ «добраго дикаря» является наиболее близким. По-своему звучит пересмотр идеи прогресса Иммануилом Кантом, а также рецепция его идей Иоганном Фихте. Для И. Канта «цель прогресса не в будущем, а в настоящем, ибо в настоящем совершается история» [19, с. 301]. В особенности актуальной было фихтеанское «Я (Ichheit)» как «действие, трансформирующее мир в соответствии со своими представлениями» [19, с. 136]. Иоганн Готфрид Гердер, отказываясь одновременно и от идеи «всемирной истории», и от «линейности», рассматривал их как самостоятельную единицу. Каждое общество проходит тот же путь, что проходит человек, – от молодости к старости. Это «представление о потенциально бесконечной вериальности культур» [14, с. 134], как писал Исая Берлин, решительно порывает с просвещенческим пафосом в отношении истории и делает шаг в сторону научности. Если движение и есть, то это «лишь вынужденное развитие, извне побуждаемое и направляемое» [8, с. 45]. В данном смысле он как бы возвращается к раннехристианскому пониманию предопределения и «воспитательной» направленности. Вслед за Ж.-Ж. Руссо романтики искали воплощение человеческой свободы в «дикости», в деревенской, в народной культуре [23, с. 377]. Именно в связи с этим возрос интерес к средневековому народному сознанию, которое порождало самые разные формы видения исторического процесса, что и отразилось в творчестве романтиков (ярким примером служит новелла Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль»).

Во второй половине XIX в. критике идей прогресса и направленности истории уделялось огромное влияние, особенно в среде не-классической философии [23, с. 389]. Так, Фридрих Ницше, развивая идеи Артура Шопенгауэра [23, с. 391], сводит исторический процесс к «воле к власти», а за множеством исторических событий и идеологий кроется «рессентимент» – состояние подавляемой ненависти и неспособности прямо ответить на угрозу [13, с. 24]. Среди философов-иррационалистов конца XIX – начала XX вв. наиболее значимой была критика классической периодизации истории Освальдом Шпенглером [23, с. 400]. Наследуя Дж. Вико, он видит историю как совокупность историй независимых друг от друга куль-

тур, каждая из которых повторяет жизнь отдельного человека: рождение, детство, юность, молодость, старость [19, с. 306]. Для О. Шпенглера цивилизация – это крайняя точка развития культуры, во время которой приходит ее «закат» [13, с. 132]. В данном случае О. Шпенглер полностью порывает с прогрессом, акцентируя внимание на цикличности исторического времени применимо к каждой отдельной культуре. Арнольд Тойнби предложил похожую модель, только теперь в центре внимания оказались цивилизации, которые также проходят фазы развития и разрушения [13 с. 169].

Таким образом, хорошо видна и своеобразная эволюция от идеи направленности истории к идее прогресса и ее отторжение в интеллектуальной среде. Само понимание исторического процесса как «линейного», зародившись еще в иудаизме, оформилось и концептуализировалось уже в раннем христианстве, пронизывая впоследствии все средневековье и часть Нового времени. Особенно она актуализировалась в эпоху Просвещения. Вольтер, Анн Робер Жак Тюрго, Николая де Кондорсе обосновали и превознесли идею прогресса человеческого разума, культуры и истории от низших форм (архаических) к высшим. При этом индивид получил роль актера, а подчас и конкретного творца истории (в данном ключе реакцией на просвещенческие мотивы звучит фраза Раскольникова «Тварь ли я дрожащая или право имею?» из романа Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание»). Суть Просвещения не просто в постулировании некоего абстрактного прогресса. Оно перевернуло отношение к прошлому, поставив его на второе место после будущего.

Однако, говоря об определенном кризисе «линейности» и прогресса, его очень тяжело датировать, т. к. он невообразимым образом то возникал, то затухал вместе с самой идеей прогресса. Так, уже в самом Просвещении Жан-Жак Руссо критиковал прогресс, не выходя при этом за рамки прогрессивистской риторики. Ссылаясь на него, в начале XIX в. критиковали идею прогресса романтики. В частности, Иоганн Гердер старался отказаться от выделения какой-либо исторической эпохи и ее значения, от какой-либо направленности. В то же время для Иммануила Канта прогресс остается, но суть его не в заоблачном будущем, а в настоящем.

Своеобразным компромиссом в данном дискурсе стало видение всемирной истории Гегелем, который оставляет определенный прогресс в истории, но полностью отбирает роль творца у человека, отдавая ее абсолютному духу. Такой «провиденциализм» характерен был и для раннего историзма Леопольда фон Ранке. Остался он, по-своему переосмысленный, у Карла Маркса в виде сменя общественно-экономических формаций. Кроме того, своеобразное видение «пассивного» прогресса выстраивается в позитивизме, в особенности у Герберта Спенсера. Такой эволюционистский прогресс не только лишает человека возможности творить историю, но и лишает саму историю любой случайности.

По-настоящему кризисным для идеи прогресса стала вторая половина XIX в. Философы-иррационалисты критиковали прогресс как средоточие исключительно разума. Так, Освальд Шпенглер выдвигает свою концепцию циклического развития культур, Арнольд Тойнби – цивилизаций. Именно здесь по-настоящему становится виден кризис идей «линейности» и прогресса, который наиболее полно проявился в «антропологическом повороте в историографии», что наступил после Первой мировой войны, которая окончательно разбила мечты интеллектуалов о всеобщем прогрессе.

³ Особенно ярко это видно в XII и XIII тезисах «О понятии истории».

⁴ Там же, только в XVII тезисе.

Литература

1. Августин Аврелий. О Граде Божиим / Аврелий Августин. – М. : АСТ, 2000. – 1296 с.
2. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности / Ф. Артог [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3-pr.html>.
3. Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо / Ф. Артог [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ar3.html>.
4. Барг М. Эпохи и идеи: Становление историзма / М. Барг. – М. : Мысль, 1987. – 348 с.
5. Беньямін В. Вибране / В. Беньямін ; пер. з нім. Ю. Рибачук, Н. Лозинська. – Львів : Літопис, 2002. – 214 с.
6. Даниэлю Ж. Христианское понимание истории / Ж. Даниэлю [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.katolik.ru/istoriya/item/1516-hristianskoeponimanie-is.html>.
7. Єрмоленко В. Оповідач і філософ: Вальтер Беньямін та його час / В. Єрмоленко. – К. : Критика, 2011. – 280 с.
8. Журавлев Л. Позитивизм и проблема исторических законов / Л. Журавлев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 312 с.
9. Козеллек Р. Минуте Майбутнє. Про семантику історичного часу / Р. Козеллек ; пер. з нім. – К. : Дух і літера, 2005. – 380 с.
10. Козеллек Р. Часові пласти. Дослідження з теорії історії / Р. Козеллек ; пер. з нім. – К. : Дух і літера, 2006. – 436 с.
11. Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче ; пер. с ит. И.М. Заславской. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 192 с.
12. Мильчина В. Франсуа Артог. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени истории / В. Мильчина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_18.html.
13. Могильницкий Б. История исторической мысли XX века : [курс лекций] / Б. Могильницкий. – Вып. I : Кризис историзма. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – 206 с.
14. Паньковский А. Проблема свободы в философии Исаи Берлина: плюрализм ценностей и приемлемое общество / А. Паньковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://berlin.wolf.ox.ac.uk/lists/onib/pankovskij.pdf>.
15. Поппер К. Ницета историзма / К. Поппер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Popp_Nilst.php.
16. Роланд-Гольст Г. Жан-Жак Руссо. Его жизнь и сочинения / Г. Роланд-Гольст [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://istmat.info/files/uploads/30129/rousseau_roland-holst_1923.pdf.
17. Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення / Й. Рюзен ; пер. с нем. В. Кам'янець. – Львів : Літопис, 2010. – 358 с.
18. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://abuss.narod.ru/Biblio/ruzen.htm>.
19. Савельева И.М. История и время. В поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
20. Савельева И.М. Типы знания о прошлом / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – С. 11–66.
21. Савельева И.М. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // Диалог с прошлым. – 2007. – № 18. – С. 68–96.
22. Сухов А. Прогресс и история / А. Сухов. – М. : Мысль, 1983. – 111 с.
23. Трёлч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёлч ; пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – 719 с.
24. Флоровский Г. Затруднения историка-христианина / Г. Флоровский // Избранные труды по богословию и философии. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. – С. 671–707.
25. Ямпольский М. Пространственная история. Три текста об истории / М. Ямпольский. – СПб. : Книжные мастерские, 2013. – 344 с.

Аннотация

Ткаченко А. В. Теоретико-методологическое значение кризиса идеи «линейности» исторического развития для постановки проблемы «разрывов исторического времени». – Статья.

В статье автор прослеживает те теоретико-методологические основания, которые дают возможность ставить такую значимую для современной гуманитаристики проблему, как «разрывы» исторического времени. Следуя за эволюцией идеи «линейности», автор показывает, каким образом в исторической науке проходили изменения, которые привели к ее современному состоянию. Историческое знание от раннего христианства к эпохе Просвещения двигалось в категориях от направленности к прогрессу. Такая переориентация от прошлого к будущему, по мнению автора, заложила основы классического историзма, в рамках критики которого и возникает возможность говорить о «разрывах».

Ключевые слова: «линейность», направленность, прогресс, развитие.

Анотація

Ткаченко О. В. Теоретико-методологічне значення кризи ідеї «лінійності» історичного розвитку для постановки проблеми «розривів» історичного часу. – Стаття.

У статті автор досліджує ті теоретико-методологічні підстави, що дають змогу ставити таку значущу для сучасної гуманітаристики проблему, як «розриви» історичного часу. Слідуючи за еволюцією ідеї «лінійності», автор показує, як саме в історичній науці відбувалися зміни, що й привели її до сучасного стану. Історичне знання від раннього християнства до епохи Просвітництва рухалось у категоріях від спрямованості до прогресу. Така переорієнтація від минулого до майбутнього, на думку автора, заклала основи класичного історизму, у межах критики якого й з'являється можливість говорити про «розриви».

Ключові слова: «лінійність», спрямованість, прогрес, розвиток.

Summary

Thachenko A. V. Theoretical and methodological significance of crisis of the idea of “linear” historical development for staging the problem of “discontinuity” of the historical time. – Article.

In this article, the author traces those theoretical and methodological bases, which give us the opportunity to put a significant problem for the modern humanities as a “discontinuity” of the historical time. Following the evolution of the idea of “linear”, the author shows how the historical science were the changes that have led to its current state. Historical knowledge of the early Christian era to the Enlightenment in terms from direction moving to the progress. This reorientation of the past to the future, according to the author, laid the foundations of classical historicism, in the framework of criticism of which it becomes possible to speak about the “discontinuity”.

Key words: “linear”, direction, progress, development.